

Сентябрь-72

В. БОКОВ

СУРГУТ

Я в Сургуте мог бы жить.
Как в столице — на Таганке.

Мне приятно говорить:
— Сургутяне, сургутянки,
Ты стоишь среди болот,
Где туман дымит и курит,
От твоих стальных долот,
Как глухарь, тайга токует.
Полон твой прекрасный порт

Грузов дальних и сибирских.
Ты, я вижу, очень горд
Силой кранов богатырских.

Ты широк, широкоплеч,
Ты под стать моим знакомым,

Что открыто ищут встреч
С арматурой и бетоном.
Звонко твой рабочий горн,
И едины дело, слово!
Ты кладешь зеленый дерн
На пески и пыль былого.
Так расти, расти, Сургут,
Подымайся утром ранним,
К твоему лицу идут
Сосны, жмущиеся к зданьям.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Внезапно спружинивший
возглас —
Осеннего леса мундштук—
Он у горизонта и возле
Меня, остывающий звук.
А небо, напрягли тучи,
Как щеки, выводит
бе-моль,

Ломает мелодию, тушит
Своею ветровой трубой.
Кричал — но мой крик
размывало,
Кричал — и, рельефный
вблизи,
Мой крик причесала
овалом,
Затем в свое русло
забрала
Поющая юная синь.

Вертолетная площадка

У нас не база, а площадка.
Она заставлена площадями.
Когда за голенище льет
И не приходится вертолет.
Геодезист, главврач,
романтик,
Их ожидание резонно.
Но что заставило меня
Убить на это четверть дня?
Но миг помедлить у винта,
Легко взлететь и увидеть
Над кромкой алого востока
Всех отходящими
к восторгу.

А над площадкой —
ни лучей,
Ни пролетающих гусей.
Лишь прошапканван
горизонт
Возобновившейся грозой.
Курю и злюсь,
Хотя попутчик
Оптимистичен, потому что
За каждой кровлей
непогоды
Сухое чрево вертолета,
Так бы и жил, взволнован,
годы...
Переминаюсь, жду погоды,
Покуда в скуке ожидания
Есть нетерпение свиданья.

Еще с рассвета озобочен,
Свет продирался, как
забойщик,
В полосках узеньких дверей,
В молочных штольнях
фонарей.
А нас баюкали рессоры,
И сладко на моем плече
Спалось кому-то. Все
резонно —
Так спится только на заре
И вот, когда запели грабли
У молодух и у мужчин,
Лицо пошло скупой рябью
Морщин.
Работа выломала руки,
Клеймила солью на плечах.
Но лег на них легко и русо
Рушник летящего ауга.
Целенаправленно и туго
Тянулись вверх цветы,
трава.

Их дождь косил, сквозные
тучи
Он засучил, как рукава.
Я засыпал под байки каплей.
Тянуло алмам из сеней,
И тело смуглое заката,
Как я, ворочалось во сне.

Г. ЮРЬЕВ

Дымная мгла
От костров потянулась,
Хмельной вуалью
Всю даль зачехлив.
Дома-великаны уснули,
Настоя рябин пригубив.
Из окон одних —
Не резных, современных,
«Березка»,
Старейшина вальсов лесных,
В размере осеннем,
Вздыхая гардины,
Звучит.
Смотрит с картины нехитрой
Курящий Сережа Есенин,
Как с грустью янтарной
Березы-девчата
Мне руки на плечи кладут.

Г. БРОВЧУК

Душою босою
С приходом снега
Я на Печору,
Я на Онегу.
Все за кострами —
Не за ночлегом.
Горсть снежинок на беру,
Горсть брусники на беру,
Ожерелье сотворю
Одну сосне
Во всей тайге.
И пусть шумит
Зеленый мир,
Что я чудак,
Что я факир.

Н. ЗАБОЛОТНЕВА

Поэту Андрею Тарханову

Ты в Сибири заснеженной
рос,
Я — у олжской свинцовой
волны,
Засыпал ты под лепет
берез,
Я — под черные пески
войны.
Ускользящих рыб серебро
Не ловила я в речках твоих
И скупое печурки тепло
Не делала с тобой на двоих.
Не бывала в кондинских
лесах,
Хоть живу я порядочно
лет,
Свято верю в твои чудеса —
Поэтичность мансийских
легенд.
«Пася олен», — звучит
голос твой,
«Гостем будь», — пригласи
я тебя,
Потому что народной
судьбой
Слита жизнь и твоя, и моя.

А. ТЕНЯКОВ

Сенокос

Приемлю пору
В середине лета,
Когда в деревне
Жаркая страда.
Рубаха, выщесв
От жары, от пота,
Теряет вид,
Становится стара.
Когда коса
В руках неутомимых,
Блестит, звенит,
На солнце острит.
Я набираюсь сил
Ежеминутно
И радости,
Исполненной трудом.
Мне ширь земли и неба
Вмиг подвластна.
Трава, сникая,
Падает рядком.
И солнце, обливающее
страстно,
Я выпиваю
Стареньким мовином.

АНТОСЬКА слезла с печи
и прошлепала босыми ногами
по холодному земляному полу.
В хате светло, как днем.
Сквозь голубоватый, намерж-
ший на окнах лед заглядыва-
ла мутная луна. Звякнула
кружка о край ведра. Антоська
торопливо залезит на печь.
Антоська самая старшая.
Мать говорит — помощница.
Ей уже десять лет. Конечно,
все остальные мал-мала меньше.
Пашке, самому младшему,
всею год исполнился. Поэто-
му-то они и не эвакуирова-
лись. Куда с такой оравой?
И отец хромой. Его на фронт
не взяли, хоть он и в военко-

Т. ЦАРЕНКО

АНТОСЬКА

мат ходил, ругался. А теперь
немцы в их селе. Старостой
Федьки Дедукина отец. Ан-
тоська его боится. У него бо-
рода огромная, как у людое-
да, и глаза злые, словно уда-
рить хочет. Антоська слыша-
ла, как отец ему прямо в гла-
за сказал: «Предатель!» А тот
процедил сквозь зубы: «По-
платишься». Мать плачет. «Не
связывайся ты с ними, —
говорит. — Куда я без тебя
с этой оравой?» Отец хмуро
отмалчивается, только курит.
Вдруг грохот: кто-то бьет
в дверь. Отец спокойным,
твердым голосом сказал, от-
крывая дверь:
— Что стучите? Детей пере-
пугали.

Они ввалились в хату вме-
сте с клубами пара, и трепет-
ная лунная дорожка скользя-
нула мирной позолотой от
двери до печи. Стояли трое
чужаков, выставив дула авто-
матов, и четвертый Дедукин.
Резко пахнуло самогонным
перегаром.

— Дверь закройте! Дети
ведь, — сказала мать, кутая
Пашку в одеяло.

— Го-го-го! — загоготал Де-
дукин. — Не замерзнут твои
щенята. Скоро им жарко бу-
дет. Говорил я тебе, Ванька,
поплатишься. Вот и пришло
время. А ну, собирайся, быст-
ро! И кодку свою выметай
вместе с собой.

Мать запрчитала:
— Куда это вы на ночь гля-
дя? Дети-то ведь малые.
— Молчи, — скрипнул зубами
отец. — Молчи, Настасья.
А Дедукину:
— Детишки, при чем? И ба-
ба... Меня берите.
— Не разезай пасть, боль-
шевицкая рожа, — гаркнул
Дедукин.

Когда вышли за околицу,
мать со страхом и отчаянием
спросила отца:

— Куда это нас, Ваня?
Отец ничего не ответил,
только обнял мать свободной
рукой, а другой еще крепче
прижал притихшего Пашку.
Он шел, сильно хромая. Когда
остановились у глубокого ов-
рага, куда обычно свозили
всякий мусор, отец отдал
Пашку матери, подошел к Де-
дукину и сказал высоким зве-
нящим голосом:
— Детей за что? Детей по-
жалейте.

И получил удар в лицо. То-
нальной стружкой гекла кровя-

выделяясь на бледном до си-
невы отцовском лице.

— Не успел я с тобой, не-
мецкая шавка, расквитаться,
— сказал отец, вытирая лицо
рукавом. — На, получиай, га-
дюка!

Отец ударил наотмашь так,
что даже шапка у Дедукина
слетела. И тут же прогремела
очередь. Отец надломился и
рухнул молча, без стопа. А
Дедукин, хрипя от ярости,
топтал его ногами и в бешен-
стве бормотал:

— Я сам, сам...
Дико, отчаянно, словно на-
деясь на чью-то помощь, так,
что даже эхо в лесу застана-

РАССКАЗ

ло, закричала мать. И дети
все за ней в один голос. Де-
дукин принес с собой лопату.
Он пытался ею столкнуть от-
цовское обмякшее тело в ов-
раг. Антоська увидела, как
хищно сверкнули зубы в зве-
рином оскале у этого страш-
ного человека, как он в бешен-
ной злобе метнулся к мате-
ри и ударил ее. Ударил ост-
ро отточенной лопатой в жи-
вот, и она с каким-то страш-
ным вскрипом осела на снег,
который стал вокруг нее
мгновенно чернеть. Руки, дер-
жавшие Пашку, разжались, а
он все прижимался к этим
скрюченным холодящим ру-
кам.

Антоську как будто обож-
гло. Она бросилась на Дедуки-
на. Черная пелена закрыла
глаза. Сквозь все нарастаю-
щий звон в ушах она слыша-
ла пронзительный плач сест-
ренок. Ничего не соображая,
она только почувствовала, как
ее зубы впиваются во что-то
мягкое, пахнувшее потом и та-
баком. И потом — она падает,
отброшенная Дедукиным, а
из прокушенной руки предате-
ля течет кровь. Тускло сверк-
нуло лезвие лопаты. Она да-
же не ощутила боли. Просто
все вдруг исчезло.

Когда к Антоське вернулось
сознание, она попыталась по-
дняться и не смогла: снег при-
давил ее своей тяжестью. Ан-
тоська с усилием стала выби-
раться из снежной могилы.
Бледная предрассветная си-
нева разлилась вокруг. Ан-
тоська вспомнила все и за-
плакала, скуля, словно ма-
ленький раненый зверек. Не-
послушными пальцами раз-
гребала она снег, ища тех,
которые еще недавно были жи-
выми, самыми близкими ей
на земле людьми. Лицо Ан-
тоськи — сплошная рана; и
слезы, смешиваясь с кровью,
падали на снег и стыли, слов-
но алые ягоды калины.

Идти она не могла. При-
ползла в село, когда взошло
солнце. Старая Агафья подо-
брала ее на своем огороде. На
трясущихся старческих руках
внесла в свою хатенку и по-
ложила на высокую кровать
с горкой пыльных пуховых
подушек. Запекшимися, окро-
вавленными губами Антоська
прошептала:

— Дедукин... мамку и тят-
ку... всех...
И снова мерная пелена оку-

тилась на глаза. Если бы не
бабка Агафья, умерла бы Ан-
тоська наверняка. Рана гноил-
лась. Страшная рана через
все лицо. Бабка Агафья про-
мывала ее какими-то настоя-
ми из трав, делала примочки,
и Антоська чувствовала, как
из ее тела уходит сжигающий
жар.

Ходил по улицам хищный
зверь Дедукин, шныряли чу-
жаки в ненавистных жабьих
шинелях. Антоська лежала в
тихой бабкиной хате, и, как
по заговору, ни разу никто не
переступил порог дома.

Однажды, через несколько
дней после того как припол-
зла к ней Антоська, бабка
Агафья поздно вечером ушла
куда-то, а вернулась чуть не
под утро. Села на лавке под
образами, скрестила на коле-
нях морщинистые в синих
прожилках руки и так сиде-
ла долго, молча. Коптилка
тускло отражалась в бабкиных
скорбных глазах. И вдруг су-
хие бабкины губы, словно
листья осенние в ненастную
пору, прошептели:

— Придет для него, анти-
христа, день расплаты, при-
дет. Похоронили мы их... и
мамку твою, и тятку, и
сестричек, и мальчика...

Весной село освободили. Ан-
тоська вместе с бабкой Ага-
фьей пошла на могилу.

— Поплачь, доченька, —
шептала бабка Агафья. — По-
плачь.

Антоська не плакала.
Дедукина судили. Антоська
была главным свидетелем по
его черному делу. Слово за-
травленный волк, втянув го-
лову в плечи, стоял он перед
судом. Пряча глаза в тени на-
висших лохматых бровей, он
говорил надтреснуто:

— Заставили меня, гражда-
не судьи. Виноват. Примите
во внимание — заставили.

— Свидетель Антонина Сту-
калова, — негромко сказал
судья.

И она вышла. Маленькая,
худенькая девочка со страш-
ным багровым шрамом через
все лицо. По залу прошел ше-
пот и сдавленные вздохи.

— И это тебя заставили сле-
дать?

Дедукин стоял, опустив го-
лову, и тяжелые, пудовые ку-
лаки болтались, словно при-
вязанные к плетям гири. Ан-
тоська отвечала на вопросы
глухо, запинаясь. Рассказыва-
ла — и ей снова хотелось
броситься на убийцу и вше-
питься в тяжелый пудовый
кулак зубами. Она почувст-
вовала, как немеют у нее ру-
ки и кружится голова.

После суда Антоська проле-
жала больше недели. Все то,
что было в ту страшную мо-
розную ночь, повторилось в
ее взбудораженном мозгу во
всей своей жестокой, непо-
правимой ясности. Когда Ан-
тоське стало лучше и она на
дрожках ослабевших ног
вышла на улицу, бабка Ага-
фья вся расцвела от радости:
— Детка моя милая. Ну и
слава богу. — И потом сказа-
ла сурово: — А его, антихри-
ста, расстреляли.

Антоська знала, о ком она,
но ничего не сказала. Она
протянула исхудалые руки к
ласковому летнему солнцу.
Во дворе рос дубок. Крохот-
ный, маленький, он тянул
свои тоненькие неокрепшие
веточки в высокое голубое не-
бо. Он хотел жить, и Антось-
ка хотела жить.